

*Russisches
"Wagatst von"*

*60.
15163.*

ОКТАБРЬ.

1901.

КОЛЛЕГІЯ
ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА

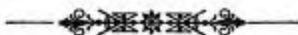
РУССКОЕ КОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 10.

1901



Дел 72 895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клебукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1901.

Восемь лѣтъ на Сахалинѣ. И. П. Миролюбова. Спб. 1901.

Сахалину повезло. Его описывали одинъ за другимъ гг. Красновъ, Чеховъ, Дриль, Дорошевичъ... Усиленно занималась и занимается имъ и печать владивостокская, внимательно слѣдя за всѣми неприглядностями его текущей жизни. Еще недавно въ „Примурскихъ Вѣдомостяхъ“ печатались записки о Сахалинѣ, раскрывшіе ужасы, передъ которыми блѣднѣютъ ужасы очерковъ г. Дорошевича... Нельзя сказать, что работа печати прошла совершенно безслѣдно. По крайней мѣрѣ, въ петербургскихъ канцеляріяхъ, которыя такъ охотно рисовали себѣ и другимъ Сахалинъ образцовой пенитенціарной колоніей, въ которой подъ просвѣщеннымъ руководствомъ людей съ окладами подонки общества обращаются въ мирныхъ и добродѣтельныхъ пейзажовъ, благоденствующихъ среди своихъ нивъ и пашней, наступило болѣе или менѣе искреннее разочарованіе. Въ 1898 г. начальникъ главнаго тюремнаго управленія г. Саломонъ съ официальной сдержанностью заявилъ, что „во всѣхъ отношеніяхъ островъ не выдерживаетъ даже снисходительнаго сравненія съ наименѣе благоустроенными изъ мѣстъ заключеній въ Европейской Россіи“ („Тюр. Вѣст., 1899 г., № 6). О Сахалинѣ, какъ о колоніи, даже и упомянуто не было! Но еще до сихъ поръ многіе воображаютъ, что стоитъ только сдѣлать нѣсколько внѣшнихъ намѣненій, и все пойдетъ превосходно.

Теперь передъ нами свидѣтельство челоѣка, который самъ прошелъ черезъ горнило Сахалина, прибывъ въ званіи каторжанина восемь лѣтъ. Обыкновенно къ такимъ свидѣтельствамъ относятся скептически, ихъ считаютъ голосомъ лицъ озлобленныхъ и потому несправедливыхъ. Г. Миролюбовъ менѣе чѣмъ кто-либо заслуживаетъ упрековъ въ этомъ отношеніи. Лично онъ можетъ питать къ сахалинской администраціи одну только признательность. Каторги онъ совсѣмъ не зналъ. Въ первый же день прибытія на Сахалинъ, гроза каторги, пресловутый г. Л., выдѣляетъ его изъ партіи интеллигентныхъ ссыльныхъ и приглашаетъ къ себѣ на обѣдъ. Въ Рыковскѣ начальникъ округа, Бутаковъ, принимаетъ его сразу подъ свое покровительство, становится къ нему, по выраженію самого г. Миролюбова, „могучимъ дубомъ, подъ тѣнью котораго онъ укрывался отъ бурь“. Ему поручаютъ метеорологическую станцію, выбираютъ церковнымъ старостой, отводятъ домъ съ цвѣтущимъ садомъ, назначаютъ командиромъ парохода, его принимаютъ и удостоиваютъ бесѣды всякіе начальники, включая и губернатора. И авторъ не скрываетъ своей признательности. Тонъ всей его книги кроткій, благоволящій до наивности, да по самому содержанію своему это скорѣе отрывки изъ мемуаровъ, чѣмъ систематическое описаніе острова, и тѣмъ не менѣе, книга г. Миролюбова сплошной обвинительный актъ противъ системы, которая стоитъ государству ежегодно свыше мил-

ліона рублей и много тысяч убитых, разбитых, забитых и заплыванных человѣческихъ жизней. Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ эпизодахъ этой ужасной системы, герои которой и авторы опорскаго дѣла, безнаказанно убивавшіе и истязавшіе людей на глазахъ всего свѣта, уже болѣе или менѣе знакомы читателю изъ прежнихъ описаній. Мы остановимся только на морали этой исторіи, морали тѣмъ болѣе своевременной, что теперь засѣдаетъ спеціальная коммиссія, рѣшающая судьбы Сахалина. Передъ нами проходитъ вереница лицъ самыхъ различныхъ, начиная съ психоната Л., для котораго глумиться надъ людьми и истязать ихъ составляло наслажденіе, надзирателя Ханова, хладнокровно замучившаго сотни людей, доводя ихъ до самыхъ безумныхъ поступковъ въ родѣ самообвиненія въ мнимомъ людоедствѣ, лишь бы избавиться отъ своего мучителя, врача, покрывавшаго убійства Ханова снисходительными свидѣтельствами объ естественной смерти, и кончая сравнительно мягкими типами, какъ смотрители Ф. и К., начальникъ округа Бутаковъ, этотъ „дубъ, подъ тѣнью котораго укрывался“ авторъ и, наконецъ, смотритель Я., поэтъ, безумно любившій ухаживать за цвѣтами и декламировать Некрасова и мечтавшій заслужить званіе отца родного въ глазахъ каторги.

И что же? Всѣ эти мягкіе люди по существу мало чѣмъ лучше ведутъ себя, чѣмъ звѣроподобные Л. и Хановъ. Поэтъ Я., при всей своей любви къ цвѣтамъ и Некрасову, при всемъ своемъ желаніи быть отцомъ роднымъ, съ такимъ же сладострастіемъ поретъ мужчинъ и женщинъ, какъ и пресловутый Л., хотя и не столь систематически и утонченно, какъ послѣдній. Г. Ф., такъ мягко описываемый авторомъ, переведенный въ Александровскій округъ, своей суровостью, доводитъ арестантовъ до оскорбленій дѣйствіемъ и, наконецъ, изгоняется съ острова.

Добродушный Бутаковъ, прямой начальникъ Л., вполне покровительственно относится къ звѣрскимъ развлечениямъ послѣдняго и всѣми правдами и неправдами укрываетъ авторовъ ужасной опорской исторіи, Ханова и его сподвижниковъ. А тѣ добродушные заправилы, которые такъ мило принимали автора „за просто на верандахъ“, что они дѣлали при видѣ совершавшихся вокругъ нихъ жестокостей? Что они сдѣлали съ опорскимъ дѣломъ, случайно раскрытымъ ко всеобщему ужасу однимъ мужественнымъ человѣкомъ? Они посидѣли просто укрыть его, какъ и г. Бутаковъ. Что дѣлали, наконецъ, тѣ, которыхъ авторъ описываетъ какъ настоящихъ хорошихъ людей, о. Ираклій, д-ръ Сосопарейль, г. Фрикентъ, г-жа Кржижевская? Поднимали-ли они свой голосъ, когда слышали стоны избиваемыхъ, когда видѣли ужасы, отъ которыхъ стынетъ кровь въ жилахъ? Ничего. Если бы авторъ слышалъ что-нибудь про ихъ заступничества, онъ навѣрное не приминулъ бы сообщить объ этомъ. Итакъ, люди са-

мые разнородные по своему душевному складу, умственному развитию и служебному положению, вели себя въ сущности совершенно тождественно. Гдѣ причина этого? Должна же была существовать общая причина, нивелировавшая столькихъ различныхъ людей до полной почти потери нравственной индивидуальности.

Эта причина,—поскольку она общественнаго характера—прежде всего лежитъ въ самой уродливости организаціи Сахалина, въ свою очередь являющейся только отраженіемъ и болѣе общихъ условій виѣсахалинской жизни. По идеѣ своей, идеѣ весьма симпатичной, Сахалинъ, дѣтище отчасти идей 60-хъ годовъ, предназначался быть пенитенціарной колоніей, которая должна была перевоспитывать людей путемъ труда и самоопредѣленія, среди новой среды, устранявшей самыя условія, порождавшія преступность. Но въ руководство устроителямъ этого грандіознаго дѣла былъ данъ XIV т. св. зак., знаменитый уставъ о ссыльныхъ, по которому всѣ эти десятки тысячъ людей, которыхъ взялись благотѣтельно перевоспитывать, должны управляться розгой, плетью и произволомъ. Оно было совершенно логично, потому-что нельзя-же было ставить преступныхъ людей, убійцъ и разбойниковъ въ лучшее положеніе, чѣмъ миллионы ничѣмъ неповинныхъ обывателей крестьянскаго сословія, живущихъ подъ той же законной ферулой розги. А если можно выпороть или посадить въ холодную мужика за несниманіе шапки передъ начальствомъ, то каторжника и запороть не грѣхъ!

Теперь, является на Сахалинъ бывшій Николаевскій солдатъ г. Л., выдавшій шпидрутену, и ему самъ законъ даетъ въ руки розгу, какъ ею не воспользоваться? Или приѣзжаетъ бывшій земскій начальникъ (на Сахалинѣ есть и такіе), утверждавшій приговоры о розгахъ надъ мирными крестьянами въ центрѣ Россіи; адѣсь, понятно, розга представляется ему единственной воспитательной панацеей. И, наконецъ, даже люди безъ всякихъ розогъ въ своемъ прошломъ, видя себя въ положеніи полу-бога, вооруженнаго правомъ карать и миловать, слыша со всѣхъ сторонъ свидѣтельства коллегъ о благотѣльности розги, быстро входятъ въ общую колею и начинаютъ чувствовать прелесть мучительства, называемаго управленіемъ.

Поэтому мы видимъ идеалиста Я. и юриста Т., охотно поровнявшихъ даже женщинъ. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ многое зависитъ отъ личности, умственнаго развитія и прошлаго человека, но въ общемъ личности, средніе люди, не при чемъ. Вотъ же, съ тѣхъ поръ какъ отиѣнили тѣлесныя наказанія для женщинъ, мы ничего не слышали о случаяхъ нарушенія новаго закона, и даже легендарный Л. едва-ли позволилъ себѣ выпороть женщину. И пусть завтра отиѣнять тѣлесныя наказанія для каторжныхъ вообще, и не нужно будетъ искать ангеловъ, чтобы прекратить на

Сахалинъ безпрестанныя человѣческія истязанія. То же съ другими сторонами произвола и угнетенія личности, коренящимися въ самомъ законѣ, въ правахъ нашей официальной жизни. Вотъ одинъ краснорѣчивый примѣръ, являющийся яркимъ отраженіемъ нашего исконнаго обычая прикрывать всяческія злоупотребленія ради общественной тишины и спокойствія. Когда случайно раскрытые онорскіе ужасы обратили на себя всеобщее вниманіе, когда о нихъ заговорила русская и иностранная печать, былъ командированъ на Сахалинъ ген. Гродековъ, который, послѣ самаго тщательнаго разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, представилъ докладъ о необходимости предать суду виновниковъ онорскаго дѣла. Но дѣло осталось подъ спудомъ... Подобная безнаказанность, да еще въ такомъ безпримѣрномъ случаѣ, конечно, не единственная, а результаты такой системы очевидны.. Мораль ясна. Прежде чѣмъ думать о реформахъ для Сахалина, необходимо отмѣнить его коренное зло, XIV т. съ его законными насиліями и произволомъ и уничтожить систему безнаказанности...

Книга г. Миролюбова имѣетъ интересъ еще и спеціальный. Авторъ ея — интеллигентный человѣкъ, образованный морякъ, бывшій офицеръ флота. Что его привело на Сахалинъ, мы можемъ догадаться только по отзыву его о своихъ товарищахъ, о которыхъ онъ говоритъ: „Это были хорошіе, сердечные люди, но, увлекшись идеями о счастьи человѣчества, они дали слишкомъ большой просторъ движенію своего сердца и... попали на Сахалинъ“ (стр. 274). Что пришлось испытывать „этимъ сердечнымъ интеллигентнымъ людямъ, мечтавшимъ о счастьи человѣчества“ и попавшимъ подъ ферулу розги и глумленія надъ личностью, мы опять таки можемъ только догадаться по мимоходомъ приведеннымъ эпизодамъ.

Одинъ изъ нихъ кончилъ самоубійствомъ, другіе погибли естественной преждевременной смертью. А пережившіе... Вотъ какіе отрывочные факты сообщаетъ авторъ. Одинъ изъ нихъ, бывшій офицеръ, г. П., позволившій себѣ объяснить начальнику, что ни онъ, ни товарищи его нисколько не причастны къ корреспонденціи, появившейся въ мѣстной газетѣ, и за которую имъ пригрозили суровою карою, подвергся мѣсячному одиночному заключенію въ кандалахъ. Другой интеллигентъ Г., послѣ крушенія парохода „Кострома“, везшаго каторжанъ на Сахалинъ, позволилъ себѣ отойти на нѣсколько шаговъ отъ общей группы арестантовъ и собирать раковины, и за это былъ подвергнутъ просвѣщенными моряками жестокому тѣлесному наказанію, которое такъ подѣйствовало на психику несчастнаго, что вскорѣ послѣ прибытія на островъ онъ исчезъ безслѣдно, погибши, вѣроятно, въ волнахъ угрюмаго Татарскаго пролива. Надъ другими ежедневно и ежечасно висѣлъ дамокловъ мечъ розогъ за несвоевременное сніманіе шапокъ передъ грознымъ начальствомъ (дѣло нелегкое не въ од-

номъ только психическомъ отношеніи, потому что даже въ жгучій морозъ, въ пургу, необходимо за двадцать шаговъ снять шапку и стоять руки по швамъ, пока грозное начальство не скроется съ глазъ), и бывали случаи, когда этотъ дамокловъ мечъ безжалостно падалъ на „этихъ сердечныхъ людей, мечтавшихъ о счастіи человѣчества“. Сахалинъ еще ждетъ своего Сильвіо Пеллико! И не въ одномъ только отношеніи психологін интеллигентовъ— а во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Книга г. Миролюбова имѣетъ свои достоинства. Она написана легкимъ, безыскусственнымъ стилемъ и охотно будетъ читаться въ большой публикѣ, слѣдовательно, многія непримечательныя стороны сахалинской жизни будутъ популяризованы. Но въ то же время она имѣетъ всѣ недостатки мемуаровъ. Истинные размѣры и всесторонность картины совершенно теряются, благодаря центральности фигуры автора. Поэтому многіе крупныя факты и личности совершенно обойдены молчаніемъ, и, наоборотъ, на сцену выведены часто факты и фигуры ничтожныя, никакого общественнаго значенія не имѣющіе, но почему-либо лично автору пріятныя и потому освѣщенные имъ съ чересчуръ индивидуальной благосклонностью. Такъ авторъ увѣковѣчилъ портретами и хвалебными отзывами такихъ лицъ, какъ, напр., докторъ Сосонарейль, человѣкъ очень много заботившійся о своемъ спокойствіи и регулярномъ образѣ жизни, но никогда не выходившій изъ роли пассивнаго зрителя окружавшихъ его безобразій; между тѣмъ ни единымъ словомъ не упомянулъ про тѣхъ трехъ мужественныхъ врачей, гг. Лобаса, Стадникаго и Поддубскаго, которые годами вели неустанную тяжелую борьбу за законныя права населенія безправнаго острова. Авторъ далъ намъ портретъ какого-то монаха Ираклія, который ничего, кромѣ анекдотовъ, по себѣ не оставилъ, но ничего не упоминаетъ про самоотверженнаго Климова, который, имѣя противъ себя всю сахалинскую администрацію, рискуя каждую минуту погибнуть отъ руки наемнаго убійцы, безстрашно продолжалъ раскрывать ужасы онорскаго дѣла. Ни слова также о тов. прокурора Баумгартенѣ, который за поддержку, оказанную имъ Климову, былъ представленъ, какъ страдающій *delirium tremens*, и выпровожденъ съ острова. Въ то же время для Бутакова, который для спасенія своихъ любимцевъ отъ кары за онорскія преступленія, сознательно жертвовалъ сотнями жизней, авторъ нашелъ много теплыхъ словъ, наивно оправдывая его жалостливостью послѣдняго къ своимъ подчиненнымъ! (стр. 243). Тутъ ужъ авторъ переступилъ всѣякіе предѣлы своего субъективнаго отношенія къ дѣятелямъ Сахалина. Напрасно также авторъ преподнесъ намъ портретъ г. Фрикена, „въ хорошихъ рукахъ котораго находится сельское хозяйство“ (стр. 114, 115); авторъ не только ничѣмъ не подкрѣпилъ своей аттестаціи, но самъ же неоднократно указываетъ, что сельское хозяйство на Сахалинѣ на-

ходится въ самомъ плачевномъ состояніи, что никто не заботится даже о выборѣ мѣстъ для поселенія, а о рациональныхъ систематическихъ заботахъ къ поднятію культуры и рѣчи никогда не было. Автору слѣдовало нѣтъ въ виду древнее мудрое правило: *amicus Plato, sed magis amica veritas*.

Люди и нравы Дальняго Востока. Отъ Владивостока до Хабаровска. (Путевой дневникъ). Г. Т. Муро́ва. Томскъ. 1901.

Издаваемые ежегодно въ большомъ количествѣ официальныя изслѣдованія и отчеты о состояніи отдѣльныхъ районовъ нашего обширнаго отечества, безспорно имѣютъ громадное значеніе и интересъ. Но также ни для кого не тайна, что съ официальной высоты не замѣтны многія детали общей картины и въ такихъ случаяхъ записки, подобныя дневнику г. Мурова, являются драгоценнымъ добавленіемъ. Значеніе дневника Мурова еще увеличивается, когда мы узнаемъ, что онъ поѣхалъ на Дальній Востокъ не въ качествѣ чиновника или коммерсанта, а просто лишь потому, что его „болѣе всего интересуеъ Сибирь, въ особенности ея восточная половина. Чтеніе Пржевальскаго, Реклю и др., не удовлетворивъ вполне его любознательности, еще болѣе возбудило интересъ“ (1), и онъ поѣхалъ. Поѣхалъ безъ средствъ, безъ командировочныхъ листовъ, влекомый лишь жадной самому узнать, самому посмотреть. Стало-быть онъ человѣкъ безпристрастный и писалъ въ своемъ дневникѣ лишь то, что видѣлъ, не стѣсняемый никакими посторонними давленіями. И тяжелое чувство охватываетъ читателя, когда онъ, перевернувъ послѣднюю страницу, говоритъ себѣ: „конецъ“.

Вотъ рядъ уличныхъ сценъ г. Владивостока: пьяные матросы волокутъ по улицѣ среди бѣла дня молодую, вполне приличную даму. Дама кричитъ о помощи (19). Идетъ чистенькій китаенокъ по тротуару и несетъ въ рукахъ горшокъ; встрѣчный солдатъ бьетъ его по затылку, китаенокъ падаетъ—солдатъ хохочетъ (19). Идетъ по тротуару чуйка—на встрѣчу степенно шагаетъ китаецъ. Чуйка нарочно толкаетъ китайца, тотъ падаетъ—публика хохочетъ (19). Русскіе торговцы бьютъ голоднаго корейца, стащившаго булку (34). Вотъ рядъ картинъ изъ жизни мелкаго чиновнаго люда: невѣжество, пьянство, бѣдность—прямо голодъ. Вотъ рядъ картинъ взаимныхъ отношеній китайцевъ, корейцевъ и русскихъ—вездѣ право сильного, право рубля, вездѣ взятки, вымогательство, кабала, и спрашиваетъ скромный авторъ самъ себя: „Да гдѣ-жъ я? Въ цивилизованной странѣ или...“ (19).

Еще больше сгущаются краски, когда г. Муровъ, покинувъ Владивостокъ, начинаетъ знакомиться съ жизнью собственно Уссурийскаго края. Здѣсь ужъ, кажется, слово „справедливость“ всѣми и навсегда забыто. Опять—цѣлый рядъ картинъ. Живутъ,